

Шэнь Минкэ вновь вспомнил тот момент в покоях старой госпожи, когда Пэй Цинъи сначала пытался скрыть, что не пострадал, и от этого его уверенность пошатнулась ещё сильнее. Взгляд случайно упал на юношу — его глаза, покрасневшие по краям и влажные, были спокойны и равнодушны. От этого сердце Шэнь Минкэ сжалось.

Пэй Цинъи помолчал, потом спросил:

— Я тебя разочаровал, да?

Шэнь Минкэ боялся встретиться с ним взглядом — вдруг увидит в нём обиду и печаль, которые заставят почувствовать вину. Он раздражённо бросил:

— Чего же ты хочешь?

— Разве не я должен задать этот вопрос?

— ...

— Шэнь Минкэ, я не вещь и не камень. Я тоже кровь истекаю, боль чувствую. Разве ты этого не знаешь? Или тебе просто всё равно?

Неожиданный вопрос Пэй Цинъи застал Шэнь Минкэ врасплох. В его памяти Пэй Цинъи всегда был покорным, никогда не задавал таких вопросов и уж тем более не спрашивал с такой горечью, печалью и решительностью. Каждое слово звучало как крик души.

Юноша усмехнулся, и в смехе слышались ирония и холод — неясно, над кем он смеялся: над ним или над собой.

— Я тоже хочу спросить: чего вы от меня хотите? Чтобы я, даже когда меня презирают и унижают, благодарил за вашу милость? Чтобы я, видя, как вы оправдываете свои ошибки, тоже лгал и защищал тех, кто причиняет мне боль, не смея сопротивляться? Шэнь Минкэ, я человек, а не твоя игрушка. Я тоже хочу жить нормальной жизнью. Я тоже хочу знать, когда вы наконец оставите меня в покое?

— Я...

Юноша обычно был высокомерен и своенравен, но строгое воспитание не позволило ему стать дурным человеком. Он вспомнил, как прежде обращался с Пэй Цинъи как с вещью: в хорошем настроении — улыбнётся, в плохом — отбросит, как ненужную обувь. А тот никогда не жаловался.

Шэнь Минкэ знал, что в этой истории виноват Юй Ань, но извиниться перед Пэй Цинъи не мог, только сухо спросил:

— Разве тебе теперь недостаточно моего дяди?

— Достаточно.

Юноша усмехнулся и тихо проговорил:

— Он ко мне очень хорошо относится.

Его лицо было белым, как фарфор, без единого оттенка румянца, зато губы казались яркими. Он молча опустил голову, длинные ресницы отбрасывали тень на лицо, и эта почти

мёртвенная тишина придавала его прекрасным чертам особую притягательность.

Он повернулся, чтобы уйти. Шэнь Минкэ инстинктивно хотел остановить его, но фигура юноши, словно дымок, легко проскользнула мимо.

Лишь один взгляд, брошенный на прощание, был одновременно нежным и решительным.

Шэнь Минкэ застыл на месте, встретившись с этим взглядом, и дыхание его на миг остановилось. В голове пронеслась мысль:

Неужели он всё ещё любит меня?

Когда он оглянулся, юноша был уже далеко. Его стройная, чуть худощавая фигура казалась особенно одинокой, постепенно превращаясь в крошечную точку, а затем и вовсе исчезла. В сердце Шэнь Минкэ возникла тоска, но, странным образом, вместе с ней — и радость.

Любой мужчина, узнав, что бывший любовник всё ещё к нему привязан, наверняка почувствовал бы удовлетворение — это льстит самолюбию. Лишь когда Пэй Цинъи скрылся из виду, Шэнь Минкэ наконец опомнился. Смешанные чувства терзали его, когда он возвращался в свои покои, а чувство вины лишь нарастало.

Разве он теперь не женат на его дяде? Шэнь Минкэ видел, что они живут хорошо. Но откуда же тогда этот нежный, печальный, полный привязанности взгляд?

Шэнь Минкэ был переполнен противоречивыми чувствами. Он даже не услышал, как звал его Юй Ань, и, не в силах есть, сказал, что пойдёт в свою комнату.

Оказавшись в покоях, он почему-то вспомнил сообщение, которое Пэй Цинъи отправил ему несколько месяцев назад, — о разрыве отношений. Тогда он, одержимый мыслями о Юй Ане, хотел лишь поскорее избавиться от Пэй Цинъи и потому согласился, не желая больше иметь с ним ничего общего.

Чем больше он думал, тем сильнее становилась вина. Он невольно задался вопросом: а не думает ли сейчас Пэй Цинъи о том же?

А между тем Пэй Цинъи, насладившись вкусным обедом, теперь пробовал в своей комнате кунжутное печенье, приготовленное тётушкой Вэнь и Сяо Тао, и с улыбкой хвалил их мастерство. От прежней меланхолии и печали не осталось и следа. Всё это было лишь игрой, тщательно разыгранной для того человека, смесью правды и лжи.

Ночь опустилась, за окном шелестел осенний ветер.

Когда Шэнь Цзюнь снял холодное пальто и тихо открыл дверь спальни, он увидел юношу в шёлковой пижаме, прислонившегося к изголовью кровати.

На его слегка согнутых коленях лежала раскрытая книга. Он опустил глаза, спокойный и сосредоточенный, углубившись в чтение.

Шэнь Цзюнь подумал, что тот не заметил его, и хотел тихо подойти, но юноша, услышав скрип двери, повернулся и одарил его мягкой, тёплой улыбкой:

— Сегодня вы вернулись так поздно.

Он уже почти заснул, ожидая.

— А ты ещё говоришь? — Мужчина произнёс это с оттенком жалобы, но в голосе не было ни капли недовольства, лишь снисхождение. — Кто это виноват, что я, едва вернувшись, попал под гнев матушки и даже не мог присесть?

Пэй Цинъи вспомнил, как днём старая госпожа сказала, что отчитает Шэнь Цзюня, когда тот вернётся. Он думал, что это просто слова, но оказалось, она говорила серьёзно.

Ему стало немного неловко. Он отложил книгу в сторону и послушно собрался встать, чтобы помочь мужчине с одеждой, но Шэнь Цзюнь остановил его рукой:

— Не вставай, раны ещё не зажили.

— Уже всё в порядке, я могу ходить, — сказал Пэй Цинъи.

— Сегодня сам перевязывался?

— Да, — кивнул Пэй Цинъи. — Только в некоторых местах не смог дотянуться, ждал вас.

Юноша поднял глаза, смотря на мужчину с чистотой и полным доверием. Шэнь Цзюнь любил, когда тот иногда проявлял зависимость и капризность. Его улыбка стала ещё шире, когда он взял из шкафа мазь и бинты.

Пэй Цинъи уже снял верхнюю одежду, обнажив рану на плече, до которой сам не мог дотянуться, и ждал Шэнь Цзюня.

Мужчина снял старую повязку, обработал рану ватным тампоном, нанёс новую мазь и, аккуратно забинтовав, тихо сказал:

— Раны уже затягиваются, может быть зуд, постарайся не чесать.

— Я знаю, — сказал Пэй Цинъи и потянулся за одеждой, но Шэнь Цзюнь перехватил его запястье. Юноша с недоумением взглянул на него:

— Господин?

— Покажи мне и другие места.

— ...

Щёки юноши вспыхнули. Мужчина уже видел другие его раны — всего лишь лёгкие ссадины, которые почти зажили, — смотреть было не на что.

Пэй Цинъи послушно расстегнул пуговицы, тихо проговорив:

— Вам показать... Всё почти зажило.

На его белой, гладкой коже виднелись несколько синяков — одни светлее, другие темнее. Но они не походили на заживающие раны, скорее на следы, оставшиеся после некой игры.

Голос мужчины был низким и бархатным, словно опьяняющее вино. Его пальцы скользили по синякам, и воздух в комнате постепенно становился теплее.

— Дорогой, я хочу тебя.

— Тогда... поосторожнее, я боюсь боли, — юноша был послушен, как маленький кролик, и всё же полностью доверял ему.

— Сам расстегни ремень.

Голос мужчины прозвучал необычно властно. Пэй Цинъи покраснел до ушей и дрожащими, тонкими пальцами коснулся мягкого кожаного ремня.

Он думал, что из-за него мужчина попал под гнев старой госпожи и, вероятно, даже не поужинал, поэтому старался выполнить все его просьбы, чтобы как-то загладить вину. Но тот оказался ненасытным волком. Пэй Цинъи был «съеден» дочиста, но всё равно не мог полностью удовлетворить его.

Они возились до глубокой ночи. Сначала Пэй Цинъи просил его побыстрее закончить, но к концу, смущённый и раздражённый, впился зубами в плечо мужчины, поддаваясь всё более глубоким движениям, и, обессилев, потерял сознание.

Когда он пришёл в себя, в ушах слышался звук воды. Оглядевшись, он понял, что мужчина держит его в ванной и осторожно обмывает.

<http://bllate.org/book/15935/1424451>